

ПАРАДОКСЫ «ГРОБОВЩИКА»: ЯВНОЕ И СКРЫТОЕ

Олег Борисович Заславский

Доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (Харьков, Украина)
e-mail: zaslav@ukr.net

Аннотация. Одним из «темных» мест «Гробовщика» является надпись на вывеске с рекламой его услуг, поскольку в ней представлены противоречащие здравому смыслу элементы. В статье дан краткий критический обзор существующих интерпретаций этой надписи. Показано, что данная абсурдная надпись обладает нарративным потенциалом, предсказывая последующие события, «происшедшие» во сне героя. В этом смысле она представляет пример так называемой обратной метафоры. Она также имеет иконический характер, поскольку рекламирует несуществующие услуги для отправки в мир несуществования. В статье выявлен ряд других нарративных аспектов повести, присутствующих в неявном виде, что представляет собой пример скрытого сюжета. В результате реконструкции опущенных звеньев сюжета восстановлен ряд обстоятельств личной истории гробовщика, связанных с его семейной биографией и историей переездов, что позволяет понять природу его переживаний, с описания которых начинается повесть. Логика сюжета приводит к предположению: вскоре за тем, как гробовщик радостно осознает, что кошмарные события были сном, должно последовать известие о реальной смерти Трюхиной.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Гробовщик», скрытый сюжет, обратная метафора, сон, структура текста.

Парадоксы надписи

«Повести Белкина» – как в целом, так и составляющие их произведения по отдельности – много раз становились предметом тщательного изучения. Это касается и повести «Гробовщик». Однако, как ни странно, до сих пор так и не нашли удовлетворительного объяснения существующие в ней, причем даже на поверхностном уровне, сюжетные и смысловые аномалии, которые бросают вызов здравому смыслу. Одна из них дана в тексте напрямую и может быть названа кричащей – это текст вывески; далее он будет обсуждаться подробно. Кроме того, есть и другие аномалии, которые, по видимому, просто не были ранее замечены. Вопрос об аномалиях затрагивает проблему повествовательной структуры произведения в целом и в том числе связан с наличием целого ряда рассказчиков. Понимание аномалий необходимо для непротиворечивой интерпретации повести.

Неявные и даже скрытые элементы обильно рассыпаны в «Гробовщике» (как и в других повестях цикла); их выявление не только помогает устранить интерпретационные противоречия, но и позволяет восстановить некоторые опущенные звенья в сюжете. Это не что иное, как явление, получившее название «скрытый сюжет» и уже обнаруженное ранее в целом ряде других прозаических и драматургических произведений Пушкина [Рецептер 2001], [Пеньковский 2003], [За-

славский 2010: 170–175], [Попова 1999: 486–488], [Заславский 2020 b: 92–95], [Заславский 2020 c].

Обратимся же к тексту. Одним из камней преткновения для понимания повести является абсурдная вывеска, которая появляется над воротами нового жилища гробовщика: «Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные, также отдаются напрокат и починаются старые» [Пушкин 1948 b: 89].

Для ее объяснения были выдвинуты самые разные версии. Их критический и достаточно подробный обзор представлен в работах [Пеньковский 2015: 234–236], [Шмид 2013: 249–253] и, в последнее время, [Е.В. Кардаш 2018]. Не повторяя представленные там детали, мы ограничимся лишь группировкой основных известных на сегодняшний день типов интерпретации.

1. Реалистическая. Вывеска – это отражение реальности, хотя бы редкой. Здесь есть два подварианта: а) российский, б) западноевропейский. (Во втором случае предполагается, что реальность проявляет себя не напрямую, а через ее отображение в литературе, отзвуком литературных источников и является текст вывески.)

2. Психологическая. Вывеска – манифестация сознания Прохорова, который абсурдной вывеской лишь умножает и демонстрирует неустрашимый абсурд, связанный с положением гробовщика между живыми и мертвыми.

3. Культурно-историческая. Вывеска отсылает к культурным практикам (масонским ритуалам, традициям «Арзамаса» и т. д.), в которых гробы использовались как символические предметы и действительно могли нуждаться в починке.

4. Метатекстовая. Вывеска рассматривается как метафора, выходящая за рамки «Гробовщика» и условно объединяющая разные «Повести Белкина» в единое целое.

5. Абсурд вывески – результат ошибки рассказчика¹.

Несмотря на то, что в рамках этих подходов было высказано немало остроумных предположений, они представляются нам во многом методически некорректными. Варианты 1а и 1б сглаживают кричащий абсурд вывески, превращая аномалию в норму, хотя такой абсурд – очевидный элемент художественного задания.

В варианте 2 абсурд учитывается, однако слишком дорогой ценой. Здесь неправомерно смешиваются разные уровни текста: «безумие» экзистенциальной ситуации (связанной с соотношением мира живых и мертвых) и «безумие» в практической деятельности. Каким бы ни было сознание данного героя, работа гробовщика – это элемент нормального мира; Прохоров не является безумцем,

против собственных материальных интересов не действует и не может игнорировать стандартные практические правила, связанные с необходимостью для предпринимателя эффективной рекламы своих услуг. И, конечно, сам гробовщик прекрасно понимает, что и как он делает со своими собственными изделиями. Поэтому вариант 2 как минимум недостаточен без дополнительного объяснения, как абсурд вывески соотносится с практической деятельностью гробовщика.

Вариант 3 слишком далеко уводит от текста, его смысла и структуры. Гробовщик Прохоров и масоны представляют собой непересекающиеся миры, а единичное упоминание «франкмасонских» ударов в дверь носит отчетливо иронический характер и вполне объяснимо ситуацией знакомства двух ремесленников, то есть людей одного круга. Но даже если допустить здесь какие-то отзвуки масонских ритуалов, это лишь добавит коннотации, наслаивающиеся на основной смысл. При этом вопрос, как же следует понимать текст вывески в том мире, который изображен в повести, все равно остается без ответа.

Наиболее перспективным нам представляется подход, выраженный в варианте 4, поскольку он опирается на анализ структу-

¹ Четвертый [Bethea, Davydov 1981] и пятый [Дебрецени 1996] типы объяснения обсуждаются довольно редко.

ры текста [Betha, Davydov 1981]. Напомним общесемиотическое правило. Если в тексте существует какая-то аномалия, в его рамках неустраняемая, то для ее объяснения правомерно обратиться к другому тексту. Это может быть текст совершенно самостоятельный по отношению к данному – тогда здесь можно видеть цитату или подтекст¹. (Безусловно, уместность и содержательность обращения к другому тексту необходимо объяснять.) В рассматриваемом нами случае другой текст возникает совершенно естественным образом: «Гробовщик» входит в состав «Повестей Белкина». Таким образом, представляется вполне правомерной ситуация, когда некий элемент является аномалией в рамках «малого» произведения, но находит объяснение в структуре «большого», частью которого является «малое».

Тем не менее конкретная реализация описанного выше принципа в работе Бетеа и Давыдова представляется нам искусственной и оторванной от самой повести. Приведем трактовку этой работы, взятую из следующей статьи одного из ее авторов: «Эмблема Амура и гробов, представляющая “любовь” и “смерть”, объединяет на уровне сюжета все остальные повести. В четырех других повестях “роману верных сердец” угрожает какая-

то третья сила, которая в конце оказывается обезвреженной, и любовь торжествует»; «во всех четырех повестях Пушкин показал себя и ловкой свахой, и умелым могильщиком, а в не вписывающемся в эту схему “Гробовщике”, в котором нет ни любовной интриги, ни смерти третьего, именно вывеска с Амуром и надписью о гробах эмблематически отражает, а быть может, и порождает тематическое единство “Повестей Белкина”» [Давыдов 1997: 43].

Однако такой вывод совершенно не объясняет аномальное использование гробов, предложенное в вывеске.

Против вывода о вывеске как эмблеме тематического единства «Повестей Белкина», по-видимому, свидетельствует также история их написания. Шмид отметил, что, «как видно из рукописи, план всего цикла возник у Пушкина только по завершении “Гробовщика”» [Шмид 2013: 245]. Даже если считать, что некоторые элементы замысла общего характера все же возникли у Пушкина сразу, действительно трудно себе представить, что Пушкин держал в голове подробности сюжета остальных «Повестей», когда писал «Гробовщика».

Для оценки текста вывески нам представляется плодотворным также учитывать наличие рассказчика, как это сделано в вариан-

---

¹ Первый случай на примере кинематографа достаточно подробно был проанализирован Ямпольским [Ямпольский 1993: 61]. Второй случай характерен для поэтики Мандельштама [Тарановский 2000].

те 5. Однако единственная известная нам попытка такого рода видится нереалистичной: «Вероятно, Б. В. помнил вывеску над дверями портного или плотника, а не гробовщика, из чего следует, что он не видит большой разницы между изготовлением диванов и изготовлением гробов» [Дебрецени 1996: 109].

Приходится констатировать, что, хотя критика исследователями работ своих предшественников в подавляющем большинстве случаев весьма убедительна, выдвигаемые ими новые объяснения в свою очередь оказываются уязвимы для критики. То обстоятельство, что «мозговой штурм» с участием авторитетных пушкинистов в течение столь длительного времени не привел к убедительному результату, вероятно, свидетельствует о том, что адекватное объяснение должно лежать в совершенно иной плоскости, чем рассматривалось ранее.

Далее мы постараемся показать, что аномальная и, казалось бы, абсурдная надпись действительно имеет смысл (прежде всего художественный, но также, по-видимому, и практический), причем двойной – как в рамках собственно «Гробовщика», так и в качестве конструктивного элемента структуры «Повестей Белкина» в целом. Рассмотрим по отдельности то и другое.

Надпись как обратная метафора

Вполне возможно дать интерпретацию вывеске в контексте повествовательной

структуры «Гробовщика» как целого. Для этого нужно учесть происшедшие в повести события, включая сон главного героя, который и является центральным моментом повести.

Понятие «напрокат» предполагает, что предмет временно используется, а потом возвращается владельцу. Во сне гробовщика Трюхина была мертвой и «использовала» гроб. Но к концу повести она «оживла», очутившись в реальности, – соответственно, гроб оказался ей не нужен и как бы вернулся из сна гробовщика в его реальность. Получилось, что Трюхина в определенном смысле действительно взяла гроб «напрокат»! Просто для этого следует рассматривать пространство сна и пространство реальной действительности как единое целое, что как раз отвечает проблематике повести, где мир живых постоянно перепутывается с миром мертвых. А гробы (в полном согласии с эпиграфом) подтверждают свою универсальную способность пересекать границу миров.

Более сложен случай с описанием работ, касающихся гробов. Но и здесь все объясняется ссылкой на сон. В связи с этим обратим внимание на еще одну аномалию (до сих пор, насколько нам известно, не замеченную исследователями). В описании организации похорон Трюхиной сказано: «Адриан подошел к племяннику Трюхиной, молодому купчику в модном сертуке, объявляя ему, что гроб, свечи, покров и другие похоронные при-

надлежности тотчас будут ему доставлены во всей исправности» [Пушкин 1948 b: 92]. Далее: «Целый день разъезжал с Разгуляя к Никитским воротам и обратно; к вечеру все сладил (...)» [Пушкин 1948 b: 93]. Итак, с одной стороны, было обещание все сделать «тотчас». С другой – Адрияну понадобилось потратить на это «целый день», разъезжая между домом Трюхиной и своим собственным.

Напрашивается такое объяснение. Трюхина «уже около года находилась при смерти» [Пушкин 1948 b: 90]. Поскольку Адриан был уверен, что потенциальный клиент скоро умрет, он мог заранее приготовить для Трюхиной все похоронные принадлежности¹. Ведь даже на новоселье тревожные мысли по этому поводу не отпускали гробовщика: «Прохоров боялся, чтоб ее наследники, несмотря на свое обещание, не поленились послать за ним в такую даль и не сторговались бы с ближайшим подрядчиком» [Пушкин 1948 b: 90]. Чтобы ситуация с конкурентами не актуализовалась после смерти клиента, действительно нужно было действовать быстро, чтобы не упустить выгоды в пользу конкурентов. Поэтому во сне Адриан и уверяет, что все будет сделано «тотчас».

Но за длительный срок (Трюхина умерла около года) выделенный ей гроб мог прийти в ветхость. (Мотив ветхости и без того присутствует в повести: новоселье начинается как раз с сожаления Прохорова об ущербе, который претерпели его похоронные принадлежности.) Поэтому, когда гроб понадобился, пришлось совершить над ним как раз те работы, которые описаны в вывеске. В принципе, Адриан мог заменить обветшавший гроб новым. Однако на этом он бы что-то потерял. Тут еще важно, что Прохорову явно была свойственна привычка выгадывать и продавать свои изделия не вполне честным образом. Так, Курилкину он продал сосновый гроб за дубовый. В данном же случае, коль скоро гроб все равно обветшал, Адриан постарался (во сне) спихнуть залежалый товар, который иначе принес бы ему убытки. Кроме того, наверняка гроб для купчихи был достаточно дорогим, в соответствии со статусом «клиентки». Но чем дороже продаваемый товар, тем больше можно на нем выгадать при нечестной продаже. Поэтому для гробовщика, стремящегося к выгоде и при этом не слишком озабоченного этическими проблемами, представлялось вполне рациональным не заменять наспех

---

¹ В этом отношении славянская традиция заранее выделять гроб, о которой пишут некоторые исследователи [Давыдов 1997: 43], здесь трансформирована, так как ее реализует не клиент, а (согласно нашему предположению) сам гробовщик.

старый обветшавший гроб новым, а починить старый.

Одновременно при таком понимании разрешается еще один парадокс: какой смысл обивать крашенные гробы; «ведь их либо красят, либо обивают (и все это вместо надписи: “продаются гробы обитые и крашенные”)» [Пеньковский 2015: 234]. Поскольку, согласно нашему предположению, гроб, предназначенный для Трюхиной (вероятно дорогой и крашенный), потерял свой вид, то его и понадобилось (во сне гробовщика) обить, чтобы ущерб не был замечен.

Таким образом, вывеска в повести обладает нарративным потенциалом: она предсказывает будущие события (точнее, не реальные события, а события во сне). И именно в перспективе будущих событий ее и следует оценивать. То есть здесь, по нашему мнению, имеет место явление, которое в поэтике называется «обратной метафорой» [Слаутин, Пимонов 2018]¹.

Надпись как иконический элемент

Напомним наиболее аномальные элементы в рекламе услуг гробовщика, касающихся гробов: «также отдаются напрокат и починяются старые». Очевидно, что в реальности

такого рода услуг (по крайней мере, в пушкинское время, если не учитывать каких-то особых случаев, например связанных с военными условиями) быть не могло в принципе. Но, как мы полагаем, в этом и состоит смысл текста вывески. В ней указаны услуги, в реальном («этом») мире *не существующие*. Но ведь *несуществование* и есть отличительная черта смерти. Тем самым этот фрагмент текста воспроизводит то свойство мира, с которым и связаны услуги! *Для отправки в мир несуществования предлагаются несуществующие услуги.*

Одновременно можно примирить странную надпись с практической деятельностью гробовщика. В ней Адрьян а) предложением столь необычных и отсутствующих у конкурентов услуг привлекает внимание потенциальных клиентов, б) хотя эти услуги и не могут быть реализованы, то есть *не существуют*, претензии к предпринимателю никто не предъявит, так как соответствующих странных заказчиков тоже *не существует*. Таким образом, в странной надписи сочетаются (как мы бы сейчас сказали) ловкий маркетинговый ход, эффектная реклама², и реализация мотива несуществования, связанного с профессией главного героя.

¹ Особенно см. в этой книге раздел «Профетический сюжет». Ряд примеров данного явления также обсуждается и во 2-й части указанной книги.

² Благодарю В.А. Губайловского за полезные разъяснения по поводу психологии рекламы.

Здесь нужна оговорка. В сюжете повести, как это показано выше, действительно есть отзвуки таких странных услуг, но совершающихся во сне, то есть также в мире, в реальности не существующем.

Итак, подчеркнем еще раз, нет никаких оснований пытаться найти в реальности следы такого использования гробов, которое было заявлено в вывеске. Совершать такую процедуру и подыскивать реальный денотат необычной надписи означает идти против смысла текста.

Отметим еще, что существует параллелизм между обсуждаемой надписью и одним из центральных элементов сюжета – приглашением мертвецов Адрияном. В обоих случаях от гробовщика исходит сообщение, которое в реальном мире не может быть осуществлено и которое связано с переходом из мира жизни в мир смерти (реклама похоронных услуг) или из мира смерти в мир жизни (приглашение мертвецам «попировать» в доме гробовщика). В обоих случаях сознание Адрияна аномальным образом преодолевает границу между мирами.

Парадокс дат и мотив огня

В тексте есть еще один острый парадокс, на который, как ни странно, до сих пор (на-

сколько нам известно) не было обращено внимания. В относительно недалеком (по отношению к событиям повести) прошлом Москва пережила страшный пожар 1812 г., который длился от 2 до 6 сентября. При этом Басманная – улица, на которой жил ранее гробовщик, – подверглась опустошению: и Старая Басманная, и Новая сгорели практически полностью. Даже если бы каким-то чудом «лачужка» Адрияна и уцелела, вокруг происходила подлинная катастрофа. Ее тотальный характер указан в тексте явным образом в пассаже о будочнике Юрко: «Пожар двенадцатого года, уничтожив первопрестольную столицу, истребил и его желтую будку» [Пушкин 1948 b: 91]¹. Между тем Адриян вспоминает о своем прошлом жилище как воплощении устоявшегося быта, без малейших следов катастрофы: «...он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осьмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком» [Пушкин 1948 b: 89]. Когда вокруг бушует пожар, то из дома выводят членов семьи, выносят наиболее ценные вещи, документы, деньги... Все это резко контрастирует с «заведенным порядком». И ничего подобного вообще нет в воспоминаниях Адрияна. Если Адриян поселился в лачужке (тогда, вероятно, еще не столь ветхой) до этой ка-

---

¹Мотив огня, уничтожающего жилище, здесь усилен тем, что в предыдущей фразе Юрко сравнивается с почтальоном *Погорельского*.

гастрофы, то описание является настолько неадекватным, что объяснить пропуск катастрофы абберрацией его памяти невозможно (тем более что для такой забывчивости не видно ни малейших содержательных оснований).

Поэтому приходится заключить, что заселение в «лачужку» состоялось после пожара. То есть это могло произойти начиная с конца 1812 г. Учитывая, что повесть окончена 9 сентября 1830 г., а «Повести Белкина» (что не мог не понимать их автор), не могли быть опубликованы ранее 1831 г., требования реалистичности описания (автор не описывает будущее) позволяют более точно установить время поселения. Промежуток в 18 лет как раз дает правильное сочетание сроков поселения и времени действия: поселение произошло после пожара в промежутке от осени 1812 г. до начала 1813 г., а действие происходит в 1830 или 1831 г.

Традиционная датировка времени действия относится к 1817 г. – на том основании, что Адриан продал свой первый гроб в 1799 [Тудоровская 1973: 221]. Такая хронология предполагает отождествление двух разных событий – начала его «трудовой деятельности» и начала проживания в лачужке, которое, однако, ниоткуда не следует. По нашим наблюдениям, подлинная картина была более сложной.

Являются ли эти временные вехи согласованными друг с другом? Если взять «Грбов-

щика» самого по себе, то в указанном выше времени действия нет никаких противоречий. При анализе повести, включенной Пушкиным в состав «Повестей Белкина» как единого целого, появляются противоречия (на самом деле кажущиеся – см. далее). Согласно сведениям из предисловия «От издателя», Белкин умирает в 1828 г., то есть до начала действия повести, как оно было нами указано выше. Между тем, с учетом требования реалистичности, события повести не могут происходить после смерти «автора».

Можно допустить, что, когда Пушкин заканчивал «Грбовщика», он еще не думал о согласовании дат в контексте цикла. Но после того как было написано предисловие «От издателя», этот вопрос стал актуальным. Могло ли получиться, что к тому времени Пушкин забыл о проблемах с датами и (несмотря на всю важность для него образа Белкина) просто ошибся? Против этого допущения говорят как минимум три соображения. 1) Точность деталей является свойством самой поэтики Пушкина. Он в полной мере реализовал свой собственный критерий: «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы». 2) Можно еще допустить (как исключение), что Пушкин ошибся в маловажных деталях, которые «прилепились» к тексту из прошлого варианта, и автор забыл или не подумал о необходимости исправлений. Но ведь речь в данном случае идет о существенном усложнении структуры, в результате

которого произошел переход от одиночной повести к циклу. Мог ли автор совершить ошибку как раз в том элементе, который связан с таким структурным переходом и потому является принципиальным? 3) Те элементы текста, которые остаются скрытыми, но играют важную роль, требуют от автора особенно пристального внимания.

На самом деле, выход из противоречий есть, и весьма содержательный. По нашему мнению, здесь Пушкин давал знать внимательному читателю, что Белкин – это фикция, а подлинным автором является он сам. Другие примеры таких намеков можно обнаружить в сопоставлении ряда деталей между предисловием «От издателя» и «Выстрелом» [Заславский 2019]. Причем в предисловии также присутствует путаница дат, где она дана в явном виде – в письме ненарадковского помещика.

Из сказанного ясно, что причина, по которой в свое время гробовщик поселился в «лачужке», аналогична той, что лишила «дома» будочника Юрко: в огне пожара, охватившего практически весь город, предыдущий дом Адрияна просто сгорел. Однако потом в обоих случаях жилище «возродилось».

Попутно находит также истолкование акцент на цветовых характеристиках нарядов дочерей Адрияна: «...обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки». Желтый и красный – это цвета языков пламени, то есть субстанции, в которой погиб преж-

ний дом Адрияна. Но примерно тогда же родились его дочери. Семья (или то, что от нее осталось) возродилась, как птица феникс, и теперь переехала в домик, имеющий желтый (огненный) цвет.

Семейная биография гробовщика

Теперь нужно уточнить и некоторые другие детали истории главного героя. У Адрияна Прохорова есть две дочери, но ни разу не упоминается его жена. Из соображений простоты и связности следует, что он – вдовец. Сопоставим теперь несколько фрагментов: «...он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение осьмнадцати лет все было заведено самым строгим порядком» [Пушкин 1948 b: 89], «Не ходят ли любовники к моим дурам?» [Пушкин 1948 b: 93]. В те времена «нормальным возрастом для брака сделались 17–19 лет» [Лотман 1995: 506]. Таким образом, дочери гробовщика – девушки на выданье. Причем практически всю свою жизнь они провели именно в «лачужке». Они рано лишились матери, что, безусловно, было катастрофой для семьи. Но коль скоро было сказано, что 18 лет там «все было заведено самым строгим порядком», то очевидно, что смерть жены гробовщика произошла не в течение этого времени, а раньше; потом уже катастроф не было (здесь мы применяем ту же логику, что и выше, при сопоставлении с катастрофой внешней – пожаром). Но тогда получается, что 18 лет назад произошло

двойное потрясение: умерла жена и сгорел дом, в результате чего и состоялся переезд в новое жилище – «лачужку» – вместе с малолетними дочерьми.

Теперь можно несколько прояснить и загадочное место в начале повести. Там говорится, что, приближаясь к новому дому, «гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось». Переезд мог вызывать воспоминания, болезненные вдвойне. Во-первых, он мог напомнить ему о переезде, который 18 лет назад был связан со смертью жены и разрушением дома (который был до «лачужки»). Во-вторых, теперь новый, более просторный дом мог напомнить о доме, где он благополучно жил с женой до того, как пришлось переехать в «лачужку». И то,

и другое, судя по всему, так и не было осознано самим героем и осталось у него где-то в подсознании¹.

Обстоятельства рассказывания

Мы восстановили некоторые обстоятельства из предыстории главного героя. Оказывается, возможно уточнить также некоторые подробности событий, которые остались за пределами текста и произошли уже после того, как закончилось основное действие. Они связаны с обстоятельствами рассказывания истории.

Обратим внимание: на протяжении всего повествования Адрьян сам улаживает свои дела. Он организует переезд, следит за обустройством нового жилища. Во сне он ездит

---

¹ Отсутствие веселья гробовщика при новоселье исследователи давно уже рассматривали как одну из загадок повести. Бочаров связывал ее с тем, что на прежнем месте осталась нерешенная проблема – так и не умершая Трюхина [Бочаров 1985: 54]. Нам представляется, что проблема с Трюхиной является для Прохорова все же слишком частной и не может объяснить реакцию на столь фундаментальное событие, как новоселье. Другие исследователи привлекали чересчур отвлеченные аргументы, оторванные от текста. Так, Узин писал о смутных догадках гробовщика о своем не вполне обычном месте среди живых [Узин 1924: 37–44]; Гей связывал это с «незыблемой неподвижностью» земного существования Прохорова [Гей 1989: 21]. Петрунина увязывает это с общим мотивом грусти в болдинских произведениях, тем самым отстраняясь от контекста данной конкретной повести [Петрунина 1987: 81–84]. Поволоцкая же вообще не видит здесь загадки и безапелляционно заявляет, что единственной причиной отсутствия радости является «обычный консерватизм пожилого человека» [Поволоцкая 1995: 55]. Стал бы Пушкин специально указывать на столь стандартный фактор, не несущий никакого дополнительного содержания? Мы же обращаем внимание на роль индивидуальной истории героя. Ранее этот аспект в основном либо вообще ускользал от внимания исследователей, либо упоминался со ссылкой на его малодоступность читателю [Смирнова 2020: 110]. Между тем учет такой предыстории (реконструкция которой предложена нами) представляется естественным и даже необходимым для того, чтобы понять личные переживания героя: внешние и внутренние факторы переплетаются.

туда-сюда между Разгуляем и Никитской. Работница во сне пособляла ему улаживать похороны. Это значит, что приказчика у него нет. Жизнь и работа совместились (видимо, из соображений экономии). Соответственно, приказчик, с которым он обменивается «значительным взглядом», – это не его приказчик, а приказчик Трюхиной. Именно этот приказчик должен будет потом узнать про сон Адрияна и рассказать о нем Белкину¹.

Здесь возникают вопросы. 1) При каких условиях чужой приказчик мог узнать об истории, которая легла в основу повести? 2) Почему рассказывание вообще состоялось? 3) Когда это произошло?

Рассмотрим сначала первый вопрос. Как представляется, излишние изливания души были противопоказаны, учитывая коммерческие отношения Прохорова и приказчика, работавшего на будущего клиента Прохорова (Трюхину). Кроме того, приказчик не вполне ровня Прохорову. Ведь он наемный

работник, а Прохоров – хозяин, предприниматель. Так что контактировать они могли только «по работе», связанной с похоронами. Место, где можно было встретить приказчика, – Разгуляй, где жила Трюхина, то есть довольно далеко от нового жилища гробовщика («такая даль», как об этом сказано при описании размышлений Прохорова). И то, и другое в совокупности свидетельствует, что разговор Прохорова и приказчика Б. В. мог состояться только из-за того, что Трюхина все-таки умерла и гробовщик уже не во сне, а на самом деле организовывал ее похороны².

Но тут в силу вступают второй и третий вопросы. Представим себе, что Трюхина умерла через (промежуток выбран условно) месяц после событий, описанных в повести. Так ли уж остался бы для Прохорова значим его сон, чтобы вспоминать о нем и рассказывать другим? Особенно наемному работнику (причем чужому), стоящему ниже него на социальной лестнице. Тем более вопрос о том,

---

¹ Дебрецени [1996: 108], обсуждая этот вопрос, допускал, что это могли быть разные персонажи, и тем самым, по нашему мнению, упустил главное. Отождествление приказчика Трюхиной и приказчика Б. В. (белкинского информанта) следует произвести из соображений простоты, связности и презумпции содержательности деталей.

² Здесь, правда, нужно внести уточнение. В самый день похорон обоим персонажам было не до таких разговоров. Поэтому самое естественное время для рассказа о сне – когда с гробовщиком должны были рассчитаться. Судя по всему, это должно было произойти на следующий день после похорон. Так, гробовщик в конце повести, еще не сумев отделить сон (в котором Трюхина умерла) от яви, спрашивает, не приходили ли к нему от покойницы Трюхиной, похороны которой состоялись (как ему казалось) вчера, – очевидно, речь должна была идти о расплате за услуги.

почему Прохоров рассказал свой сон приказчику, обостряется, если смерть наступила, скажем, через полгода. Чем больше срок, тем меньше актуальность рассказывания. И наоборот, актуальность рассказа тем больше, чем меньше промежуток от сна до события реальной смерти Трюхиной. Она становится максимальной в том случае, если промежуток практически отсутствует вообще. Но последнее могло произойти, только если известие о смерти Трюхиной гробовщику передали почти сразу после того, как закончились события повести.

Здесь требуется лишь минимальная задержка во времени. Напомним, в самом конце гробовщик приказывает работнице приготовить чай и позвать дочерей. Представим себе: обрадованный гробовщик за чаем рассказывает о своем ночном «приключении», окружающие смеются, и... сразу после окончания этого рассказа как раз прибывает нарочный с известием о том, что Трюхина действительно умерла. Соответственно, кошмары сна, которые, казалось бы, безвозвратно рассеялись, могут вернуться... Получается ситуация вроде той, что упомянута в «Моцарте и Сальери»: «Я весел... Вдруг: виденье гробовое, Незапный мрак иль что-нибудь такое...» [Пушкин 1948 а: 127].

Вот *такое* вполне заслуживает того, чтобы на следующий день рассказать приказчику (то есть человеку, вовлеченному в историю похорон) и чтобы он потом рассказал это Белкину.

Напомним еще, что, как правило, сон в сюжетах произведений Пушкина имеет вещий характер [Гершензон 1926]. Сон Прохорова, казалось бы, отклонился от этого правила. Как отметил Бочаров: «Сон гробовщика, мы видели, *выключен* из «реального» действия. Он не отделен от предшествующих событий, как сон, и он не связан с последующими событиями, *не ведет ни в какое будущее*, снимается в жизни гробовщика» [Бочаров 1985: 68]. Однако с точкой зрения уважаемого исследователя можно поспорить, если учесть обусловленный смертью Трюхиной скрытый сюжет, который многое меняет в интерпретации сна. Трактовка сна претерпевает еще более значимые изменения благодаря реконструированному нами сюжетному повороту: после пробуждения гробовщику предстоит новое потрясение от известия о смерти купчихи.

В результате получается, что предсказание событий сбывается дважды, причем оба раза – неявным образом. Надпись на вывеске предсказывает события, развернувшиеся во сне. А сон предсказывает события, развернувшиеся наяву, но не вошедшие в данный текст непосредственно.

Поскольку со смертью Трюхиной для гробовщика уже были связаны страшные события, теперь ожидается эффект возвращения ужаса. Представляется поэтому уместным напомнить цитату из работы Узина: «И пусть все видимо кончается хорошо: это может

служить утешением Митрофанушке; одна возможность иного решения преисполняет нас ужасом» [Узин 1924: 18]. Узин, разумеется, не писал ни о каком скрытом сюжете. Однако общая интуиция, похоже, не обманула исследователя¹.

Заключение: повествовательное новаторство Пушкина и скрытые элементы

Отличительной особенностью прозы и драматургии Пушкина является чрезвычайная краткость. Она приводит к качественным, структурным следствиям. Одно из них состоит в формировании скрытого сюжета. Этот феномен предполагает, что некоторые события не даны в тексте явно, но могут быть восстановлены на основании обрывочных сведений. (Здесь уместно напомнить фразу В.Э. Рецептера: «Как ни парадоксально, маленькие трагедии, кроме других своих особенностей, имеют еще и явные свойства детектива» [Рецептер 2001]. Характеристика применима отнюдь не только к маленьким трагедиям, но и к поэтике Пушкина в целом.) Реконструируемая цепочка событий восстанавливается однозначно – иначе результат не

имеет смысла называть скрытым сюжетом². В данной работе были обнаружены примеры такого явления в «Гробовщике» – преимущественно дополняющие историю главного героя.

Но возможен и другой тип условной реализации неэксплицированных элементов. Мы видели, что сюжет, в котором восстанавливается ситуация рассказывания истории (от гробовщика к приказчику), не имеет жестко однозначного характера, типичного для скрытого сюжета. Однако там есть некоторый диапазон ситуаций, причем установление крайней точки этого диапазона приводит к весьма содержательным следствиям (эффект от почти полного совпадения по времени смерти Трюхиной во сне и в реальности и его роль в обстоятельствах рассказа о происшедших и приснившихся событиях). Так, критерием достоверности интерпретации оказывается содержательность, которая существенно варьирует в зависимости от принятого варианта³.

Разбор обстоятельств рассказывания, которые не даны в тексте явно, естественным образом приводит нас к некоторым теоре-

¹ «Сон» как явление литературы заслуживает дальнейшего изучения. О снах в русской поэзии см. недавнюю статью [Сурат 2020].

² Скрытые элементы в «Гробовщике» затрагивают не только повествовательную структуру, но и другие уровни текста – в частности, художественное пространство и нумерологию. См. об этом: [Заславский 1998].

³ В качестве другого примера применения этого критерия при выборе разных интерпретаций приведем концовку «Дара» Набокова. См. об этом: [Левин 1998: 302].

тическим обобщениям. Ранее мы ввели понятие псевдооборванного текста [Заславский 2006]. В этом смысле данная повесть представляет, по нашему мнению, противоположный пример организации текста, который можно назвать псевдозавершенным текстом. За гранью сюжета оказываются события, которые лишь неявно и косвенно отразились в структуре произведения. Такой выход за грань еще раз иконическим образом воспроизводит тему жизни – смерти и существования за краем, актуальные для данного произведения.

* * *

Наличие скрытых элементов – это объективное свойство пушкинской поэтики, без учета которого искажения в интерпретации происходят даже на самом поверхностном уровне. Хочется надеяться, что предубежденность исследователей к таким вещам сменится наконец их внимательным изучением.

Еще один нетривиальный вопрос связан с «ошибками» Пушкина, которые при ближайшем рассмотрении, как правило, оказываются не настоящими ошибками, а художественно значимыми деталями и мощными источниками смысла¹.

Литература

Бочаров, С.Г. О смысле «Гробовщика» // Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Сов. Россия, 1985. С. 35–69.

Гей, Н.К. Проза Пушкина. Поэтика повествования. М.: Наука, 1989.

Гершензон, М.О. Сны Пушкина // Гершензон М.О. Статьи о Пушкине. Л.: Academia, Акад. Худож. Наук. 1926. С. 96–111.

Давыдов, С. Веселые гробокопатели: Пушкин и его «Гробовщик» // Пушкин и другие: Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Александровича Фомичева, Новгород, 1997. С. 42–51.

¹ Укажем вкратце лишь на два примера. М. Ланглебен обратила внимание, что в «Истории Пугачева» Пушкин в описании течения Яика совершил явную ошибку. Недосмотр исключен – об интерпретации такой мнимой «ошибки» см. [Ланглебен 1991]. Другой пример: формально неадекватное употребление сочетания «Александрыйский столп». См. об этом: [Заславский 2020 а]. Подчеркнем, что ошибка, чтобы быть структурно значимой, должна быть бесспорной и не допускать сглаживающих вариантов объяснения, которые вписали бы ее в норму (иначе она является не источником смысла, а свидетельством художественного просчета автора из-за допущенной им невнятицы). Недавно появилась статья, где говорится о наличии целого ряда намеренных ошибок в «Выстреле» [Лямина, Осповат 2019]. Однако приведенные там примеры не удовлетворяют, по нашему мнению, сформулированным выше условиям, так как вполне допускают психологические или бытовые объяснения.

Дебрецени, П. Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. СПб.: Академический проект, 1996.

Заславский, О.Б. Скрытые приемы воплощения темы в «Гробовщике» // *Russian Literature*. 1998. № 43 (1). С. 101–114.

Заславский, О.Б. Структурные парадоксы русской литературы и поэтика псевдооборванного текста // *Sign systems studies*. 2006. № 34 (1). С. 261–269.

Заславский, О.Б. «Сцены из рыцарских времен»: Обрыв сюжета как признак завершенности текста // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 32 [Электронный ресурс]. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_zaslavskii_stseny_iz_rytsarskikh.pdf (дата обращения: 22.09.2020).

Заславский, О.Б. Неопределенность как структурное свойство: о предисловии «От издателя» к «Повестям Белкина» // *Вестник Удмуртского университета*. 2019. № 29(5). С. 794–804.

Заславский, О.Б. О смысле «Александрийского столпа» // *Вопросы литературы*. 2020 а. № 1. С. 13–22.

Заславский, О.Б. Отложенная дуэль в «Выстреле» как фактор структуры текста // *Практики и интерпретации*. 2020 б. № 5(2). С. 87–103.

Заславский, О.Б. О скрытом сюжете в «Метели» // *Новый мир*. 2020 с. № 11. С. 163–172.

Кардаш, Е.В. «Отдаются напрокат и починаются старые»: Тайна вывески Адриана

Прохорова // *Новое литературное обозрение*. 2018. № 5. С. 69–84.

Ланглебен, М. Наказание мятежной природы: четыре фрагмента из «Истории Пугачева» А.С. Пушкина // *Russian Literature*. 1991. № 29(2). С. 177–204.

Левин, Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.

Лотман, Ю.М. Пушкин. Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.

Лямина, Е.Э. Осповат, А.Л. Императив неправдоподобия: как рассказан пушкинский «Выстрел» // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2019. № 7. С. 61–75.

Пеньковский, А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М.: Индрик, 2003.

Пеньковский, А.Б. Загадки пушкинского текста и словаря. М.: Языки слав. культур, 2015.

Петрунина, Н.Н. Проза Пушкина (Пути эволюции). Л.: Наука, 1987.

Поволоцкая, О.Я. «Гробовщик»: Коллизия и смысл // *Московский пушкинист: Ежегод. сб.* / Рос. АН. ИМЛИ им. А.М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, 1995. С. 55.

Попова, И.Л. Смех и слезы в «Повестях Белкина» // *Пушкин А.С. Повести Белкина. Научное издание* / под ред. Н.К. Гея, И.Л. Поповой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 1999. С. 480–509.

Рецептер, В.Э. «Я жду его»: Скрытый сюжет «Скупого рыцаря» // Звезда. 2001. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2001/2/quot-ya-zhdu-ego-quot.html> (дата обращения: 22.09.2020).

Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 16 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 7. Драматические произведения. 1948 а.

Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений: В 16 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948 б.

Славутин, Е.И., Пимонов, В.И. Структура сюжета. М.: Флинта. 2018.

Смирнова, Н.Н. Изображаемое и рассказ в «Повестях Белкина». М.: Изд-во Канн-Плюсс, 2020.

Сурат, И. Сон // Новый мир. 2020. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2020/3/son-3.html (дата обращения: 22.09.2020).

Тарановский, К. О поэзии и поэтике / сост. М.Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000.

Тудоровская, Е.А. Время «Повестей Белкина» // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973. С. 220–223.

Узин, В.С. О «Повестях Белкина». Из комментариев читателя. Петербург: Аквилон. 1924. С. 37–44.

Шмид, В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Ямпольский, М.Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993.

Bethea, D.M., & Davydov, S. (1981). Pushkin's saturnine cupid: the poetics of parody in "The Tales of Belkin". *Publications of the Modern Language Association of America*, 96, 8–21.

References

Bethea, D.M., & Davydov, S. (1981). Pushkin's saturnine cupid: the poetics of parody in "The Tales of Belkin". *Publications of the Modern Language Association of America*, 96, 8–21.

Bocharov, S.G. (1985). О smysle "Grobvshhika" [On the meaning of "Coffin-maker"]. *O khudozhestvennykh mirakh* [On artistic worlds]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.

Davydov, S. (1997). Veselye grobokopateli: Pushkin i ego "Grobvshhik" [Joyful gravediggers: Pushkin and his "Coffin-maker"]. *Pushkin i drugie: Sbornik statej k 60-letiju professora Sergeja Aleksandrovicha Fomicheva* [Pushkin and others: Collection of works to 60th anniversary of S.A. Fomichev]. Novgorod, 42–51.

Debretseni, P. (1996). *Bludnaya doch'. Analiz khudozhestvennoj prozy Pushkina*. [Prodigal daughter. Analysis of artistic prose of Pushkin]. Saint Petersburg: Akademicheskij projekt.

Gey, N.K. (1989). *Proza Pushkina. Poetika povestvovaniya* [Pushkin's prose. Poetics of narrative]. Moscow: Nauka.

Gershenson, M.O. (1926). *Sny Pushkina*. [Pushkin's dreams]. *Stat'i o Pushkine* [Works

on Pushkin]. Leningrad: Academia, Akademya khudozhestvennykh nauk, 96–111.

Iampolski, M.B. (1993). *Pamjat' Tiresija. Intertekstual'nost' i kinematograf* [The memory of Tiresias. Intertextuality and cinema]. Moscow: Culture.

Kardash, E.V. (2018). “Otdayuts'a naprokat i pochinyayuts'a starye”: Tayna vyveski Adriana Prohorova [“Let out on hire, and old ones repaired”: the mystery of the sign-board of Adrian Prohorov]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New literary review], 5, 69–84.

Langleben, M. (1991). Nakazanie myatezhnoy prirody: chetyre fragmenta iz “Istorii Pugacheva” A.S. Pushkina [Punishment of rebellious nature: four fragments from “History of Pugachev”]. *Russian Literature*, 29(2), 177–204.

Levin, Yu.I. (1998). *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Lyamina, E.Ye., & Ospovat, A.L. (2019). Imperativ nepravdopodobiya: kak rasskazan pushkinskiy “Vystrel” [Imperative of narration: how Pushkin’s “Shot” is told]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* [Vienna Slavic Yearbook], 7, 61–75.

Lotman, Yu.M. (1995). Pushkin. Biografiya pisatelya; Stat'i i zametki, 1960–1990; “Evgenij Onegin”. Kommentariy [Pushkin. Biography of the writer; Articles and notes of 1960–1990; “Evgeny Onegin”. Commentaries]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.

Pen'kovskiy, A.B. (2003). *Nina: Kul'turnyy mif zolotogo veka russkoy literatury v lingvisticheskom*

osveshchenii [Nina. Cultural myth of Golden age of Russian Literature in linguistic view]. Moscow: Indrik.

Pen'kovskiy, A.B. (2015). *Zagadki pushkinskogo teksta i slovarja* [Mysteries of Pushkin’s text and vocabulary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Petrunina, N.N. (1987). *Proza Pushkina (Puti evoljutsiy)* [Pushkin’s prose. (Ways of evolution)]. Leningrad: Nauka.

Popova, I.L. (1999). Smekh i slezy v “Povestyakh Belkina” [Laugh and tears in “Tales of Belkin”]. In N.K. Gey, & I.L. Popova (Eds.), *A.S. Pushkin. Povesti Belkina*. Moscow: IMLI RAN, Nasledie, 480–509.

Povolotskaya, O.Ya. (1995). “Grobovshhik”: kollizija i smysl [“Coffin-maker”: collision and meaning]. *Moskovskiy pushkinist: Ezhegod. sb.* [Moscow Pushkin research yearbook], 1, 55.

Pushkin, A.S. (1948a). *Polnoe sobranie sochineni. V 16 t.* [Complete works in 16 vols.] (Vol. 7). Moscow, Leningrad: AS USSR.

Pushkin, A.S. (1948b). *Polnoe sobranie sochineni. V 16 t.* [Complete works in 16 vols.] (Vol. 8, Book 1). Moscow, Leningrad: AS USSR.

Retsepter, V.E. (2001). “Ya zhdu ego”: Skryty suzhet “Skupogo rytsarya” [“I’m waiting for him”: the hidden plot of “The Miserly Knight”]. *Zvezda* [The Star], 2, 165–178.

Schmid, W. (1996). *Proza Pushkina v poeticheskom prochtenii. “Povesti Belkina” i “Pikovaya Dama”* [Pushkin’s prose in poetic reading. “Belkin’s Tales” and “The Queen

of Spades”]. St. Petersburg: St. Petersburg University.

Slavutin, E.I. & Pimonov, V.I. (2018). *Struktura sjuzheta* [The structure of the storyline]. Moscow: Flinta.

Smirnova, N.N. (2020). *Izobrazhaemoe i rasskaz v “Povestjah Belkina”* [Portrayed and narration in “The Tales of Belkin”]. Moscow: Kann-Pluss.

Surat, I. (2020). Son [Sleep]. *Novyj mir* [New world], 3. Retrieved from: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2020/3/son-3.html (date of access: 22.09.2020).

Taranovskiy, K. (2000). *O poezii i pojetike* [On poetry and poetics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Tudorovskaya, E.A. (1973). Vremya “Povestey Belkina” [Time of “The Tales of Belkin”]. *Voprosy Literaturny i Fol'klora* [Issues of literature and folklore]. Voronezh, 220–223.

Uzin, V.S. (1924). *O “Povestjah Belkina”. Iz kommentarijev chitatelja* [On “Belkin’s Tales”. From the reader’s commentaries]. Peterburg: Akvilon.

Zaslavskiy, O.B. (1998). Skrytye priemy voploshcheniya temy v “Grobovshchike” [Hidden devices in realization of subject in “Coffin-maker”]. *Russian Literature*, 43 (1), 101–114.

Zaslavskiy, O.B. (2006). Strukturnye paradoksy russkoj literaturny i pojetika psevdoooborvannogo teksta [Structural paradoxes of Russian literature and poetics of pseudo-broken text.] *Sign systems studies*, 34 (1), 261–269.

Zaslavskiy, O.B. (2010). “Stseny iz rytsarskikh vremen”: Obryv sjuzheta kak priznak zavershennosti teksta [Scenes from the times of chivalry: break of plot as the indication of the completeness of the text]. *Toronto Slavic Quarterly*, 32. Retrieved from: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_zaslavskii_stseny_iz_rytsarskikh.pdf (date of access: 22.09.2020).

Zaslavskiy, O.B. (2019). Neopredelennost' kak strukturnoe svojstvo: o predislovii “Ot izdatelja” k “Povestjam Belkina”. [Uncertainty as a structural property: on the foreword “From the Editor” to “Tales of Belkin”.] *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Herald of Udmurt University], 29, 5, 794–804.

Zaslavskiy, O.B. (2020 a). O smysle “Aleksandrijskogo stolpa” [On the meaning of “Alexandrian pillar”]. *Voprosy Literaturny* [Issues of literature], 1, 13–22

Zaslavskiy, O.B. (2020 b). Otlozhennaja dujel' v “Vystrele” kak faktor struktury teksta [Postponed duel in “The Shot” as a factor of the structure of text.]. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 2020, 5(2), 87–103.

Zaslavskiy, O.B. (2020 c). O skrytom sjuzhete v “Meteli”. [On a hidden plot in “Snowstorm”.] *Novyj mir* [New world], 11, 163–172.

PARADOXES OF “THE COFFIN-MAKER”: EXPLICIT AND HIDDEN ELEMENTS

Oleg B. Zaslavskii (Zaslavsky), Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher, Kharkov National University named after V.N. Karazin (Kharkov, Ukraine); e-mail: zaslav@ukr.net.

Abstract. One of obscure places in “The Coffin-maker” is the inscription on the sign advertising his services, since it contains elements that contradict common sense. The article provides a brief critical review of the existing interpretations of this inscription. It is shown that this absurd inscription has a narrative potential, predicting subsequent events that “occurred” in the character’s dream. In this aspect, it is an example of the so-called inverse metaphor.

It also has an iconic character, as it advertises non-existent services to send to the world of non-existence. The article reveals a number of other narrative aspects of the story that are present in an implicit form, which is an example of a hidden plot.

As a result of the reconstruction of the omitted plot links, a number of circumstances of the undertaker’s personal history, related to his family and the history of moving, are restored, which allows us to understand the nature of his experiences, with the description of which the story begins. The logic of the plot leads to the assumption: soon after the coffin-maker joyfully realizes that the nightmarish events were a dream, the news of the real death of Tryukhina should follow.

Key words: A.S. Pushkin, “The Coffin-maker”, hidden plot, inverse metaphor, dream, text structure.

